

А.В. Лосик, А.Н. Щерба (Санкт-Петербург)

ФЕЛЬДМАРШАЛ БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ О ВОЙНЕ 1812 ГОДА

СРАЗУ после победы над Наполеоном в русском обществе горячо обсуждали все события прошедшей войны. Они были столь масштабны, изумительны и во многом неожиданны, что вызвали к жизни острую полемику среди политиков и военных. Оценки этой войны высказывались самые различные, и они касались важнейших сражений и вклада каждого полководца в победу. Недостаточно развитое состояние средств массовой информации того времени не позволило установить истину по целому ряду проблем, которые до сих пор остаются дискуссионными. Прояснить ряд малоисследованных вопросов позволяют копии записок фельдмаршала Барклая-де-Толли (1761–1818), хранящиеся в фондах Архива Санкт-Петербургского института истории РАН.

Очевидно, острота дискуссий, неоднозначность трактовок тех событий и откровенные вымыслы побудили участвовать в этой полемике крупнейших полководцев войны с Наполеоном, к числу которых, безусловно, относился и фельдмаршал Барклай-де-Толли. Причины своего участия в полемике объясняет сам полководец в самом начале этого документа, где пишет: «...до ныне спокойно смотрел я на все оскорбления против меня толпами народными и спокойно ожидал оправдания от самых последствий. Надежда моя частью свершилась. Беспристрастные признаются уже в ошибке своей, но ненависть и злословие, питаясь обыкновенно слабостью других, не перестают запутывать истину в умах легковверных. Я, будучи покоен в совести моей, готов был изобличить в несправедливости их представить также времени. Но порицаемая вместе со мною честь сподвижников моих, явивших чудеса храбрости и

примерной любви к государю и Отечеству своему, выводят, наконец, меня из равнодушия. И убеждают изложить пред лицом всего Отечества к собственному успокоению полный отчет в делах моих, относительного сего чрезвычайного времени»¹.

Как известно, в преддверии войны Барклай занимал высокую должность военного министра и, как никто, знал о всех тонкостях военно-политической обстановки в Европе. Он непосредственно отвечал за подготовку русской армии к войне с Наполеоном. В этот период все достаточно реально осознавали, что это будет, по своим масштабам, невиданная ранее война, которая решит участь не только России, но и всей Европы. Поэтому было принято единственно правильное решение – «поставить себя в возможную готовность к отражению силы силою»².

Полководец кратко перечисляет, какие меры были приняты для максимального усиления армии. Из всего перечня он выделяет самые главные мероприятия и, в частности, подчеркивает, что за 1810–1811 гг. удалось значительно увеличить армию; привести в порядок важнейшие старые крепости, построить и вооружить новые на западных рубежах; приготовить значительные продовольственные запасы; пополнить арсеналы оружием; сформировать значительное количество парков с военными снарядами и другими военными припасами³. Реализация всех этих весьма масштабных мероприятий в столь короткий срок свидетельствует об огромной работе, проведенной в предвоенный период в масштабе империи. При этом необходимо учесть, что только окончилась война со Швецией и продолжалась война с Турцией.

Утверждение Барклая о значительном увеличении армии менее чем за два года подтверждает и выдающийся военный теоретик Г.А. Леер. Он пишет, что в течение 1811 г. было сформировано: 2 новых гвардейских полка (Финляндский и Литовский), 10 мушкетерских полков, 3 егерских, 2 кирасирских, 3 морских полка включены в состав 25-й пехотной дивизии, сформирован учебный гренадерский батальон и учебный эскадрон для подготовки унтер-офицеров и лейб-гвардии Черноморская казачья сотня⁴.

Барклай считает, что интенсивная подготовка России к войне оказала существенное влияние на характер действий Бонапарта. Он увидел, что немедленно одними имеющимися в распоряжении собственными силами не может совершить вторжение, и вынужден был мобилизовать силы своих европейских союзников, что

дало в его руки мощь, почти втрое превосходящую нашу на западной границе, и количество этих войск стало неожиданностью для русского командования.

Наполеону удалось привлечь к участию в походе на Россию вооруженные силы большинства европейских стран, добившись значительного численного преобладания над русской армией. Барклай признает, что возрастание сил неприятельских до полумиллиона во многом стало неожиданностью для русских. Барклай излагает основные подходы русского военного командования к выработке стратегии ведения будущей войны.

Было принято решение вести войну оборонительную. Но русское военное командование прекрасно понимало, что вести просто оборонительную войну было бы пагубно вследствие большого численного превосходства неприятеля. Даже удачная оборона ключевых укрепленных пунктов государства не гарантировала конечный успех, вследствие того что противник имел способы быстро подкрепить свои силы за счет своих резервов и ресурсов союзных государств. Решиться на генеральное сражение было бы также безответственно, ибо обрекало на гибель армию при огромном численном превосходстве неприятеля⁵.

Характерной особенностью Отечественной войны 1812 г. являлось то, что было подготовлено и детально обсуждалось несколько вариантов общей стратегии боевых действий. Свои варианты разработали граф Алонвиль, граф Н.С. Мордвинов, князь П.М. Волконский, генерал Фуль, полковник Толь и генерал Барклай-де-Толли. При этом следует признать, что с началом неприятельского вторжения в Россию на практике начал реализовываться именно план ведения войны, разработанный последним. Это подчеркивает и автор известного многотомного исследования, посвященного Отечественной войне 1812 г. генерал М. Богданович. Он пишет: «Не подлежит сомнению также и то, что план отступления наших армий внутрь страны принадлежит не одним иностранцам (как старался доказать Вольцоген) и что главный исполнитель этого соображения, Барклай-де-Толли, сам составил его задолго до войны 1812 года. Это доказывается как историческими фактами, так и документами, хранящимися в наших исторических архивах»⁶.

Генерал М. Богданович был первым, кто поставил этот вопрос еще в середине XIX в. и безоговорочно отдал приоритет в этом отношении Барклаю. Однако эту точку зрения не разделяли многие

отечественные военные историки и военные теоретики, в частности А.Н. Попов. Эта проблема осталась дискуссионной и в период празднования 100-летнего юбилея, когда был издан труд «Отечественная война и русское общество», в котором не было дано ясного ответа, по какому плану действовала русская армия в период отступления. У многих авторов стратегический план действий русского командования отождествлялся с планом Фуля. Не дал ответа на этот важный вопрос и признанный авторитет в данной области академик Е.В. Тарле.

К 150-летию Отечественной войны 1812 г. вышло в свет очередное издание, где был сделан вывод о том, что планы ведения боевых действий разрабатывались и обсуждались военным командованием русской армии, но официального, утвержденного императором Александром I в качестве такового, фактически не существовало⁷.

Поэтому после вторжения неприятельской армии на общем совещании было принято наиболее рациональное решение для спасения Отечества – начать кампанию общим отступлением, увлекая неприятельские войска вглубь страны. По замыслу русского командования в ходе отступления каждый шаг русской территории и каждое средство к существованию и подкреплению противник должен был добывать ценой большой крови и, истощив его, следовало нанести решительный удар. Необходимо признать, что этот план довольно последовательно проводился в жизнь.

В своей записке Барклай излагает особенности расположения русских войск, действующих против Наполеона, корпусов резервных войск, а также состояние крепостей, что уже хорошо освещено в нашей военно-исторической литературе. Как педантичный человек, он отмечает, что лишь одна крепость – Динабург – не была приведена в надлежащее состояние по причине ее обширности и недостатка времени, но и здесь удалось привести в наилучшее состояние мостовое укрепление⁸.

Наполеон достаточно быстро разобрался с особенностями диспозиции русских войск и стремился либо разбить две русские армии поодиночке, либо вместе в генеральном сражении. Но последовательное осуществление русскими войсками вышеупомянутой стратегии расстроило его планы, хотя, как отмечает автор записок, арьергарды наши преследовали целые корпуса противника. Несмотря на это, Барклай особо подчеркивает, что в процессе кровопролитных арьергардных боев ни один русский солдат не попал

в неприятельский плен, ни одна повозка из обоза не досталась французам и им не удавалось воспользоваться на пути следования ни хлебом, ни фуражом, ни подводами. Неприятель при этом нес значительные потери в живой силе⁹. Таким образом, план ведения войны противника был расстроен уже в ее начальный период.

Барклай подчеркивает всю сложность отступления двух армий, когда необходимо отбиваться от неприятеля и одновременно координировать совместные действия. Все это осуществлял именно Барклай, и основную тяжесть этих боев несла на себе сильнейшая – 1-я – армия под его командованием. Можно предположить, какие огромные усилия предпринимал Наполеон, великий военный дар которого трудно отрицать, чтобы разгромить гораздо более слабые русские войска, которые к тому же были разобщены. Тем не менее, отступление было проведено в образцовом порядке, и Бонапарт оказался бессилён перед высоким воинским искусством русского полководца. Барклай пишет по этому поводу: «Таким образом, исполнилось в виду предприимчивого неприятеля одно из опаснейших и труднейших движений в устройстве редко случающегося, в простых воинских маневрах в мирное время»¹⁰.

Генерал Барклай с сожалением признает, что соединение армий, кроме положительных последствий, вызвало к жизни и весьма негативные явления. Они выразились прежде всего в многочисленных интригах, в центре которых оказался командующий 1-й армией. В своем донесении императору он пишет по этому поводу: «...дух происков и пристрастия скоро открыли обидные суждения и неблагопристойные слухи с намерением распространенные, также, восприняли свое начало при соединении обеих армий»¹¹. Можно предположить, с какой остротой и болью воспринимал их педантичный Барклай, воспитанный на незыблемых устоях воинской дисциплины.

Осмелиться на интриги против командующего армией в ранге министра, да еще и в условиях военного времени, могли лишь люди с огромными связями либо осознающие свою неприкосновенность. Барклай смело называет фамилии лиц, в числе которых знатнейшие люди империи: великий князь Константин Павлович и ряд офицеров, принадлежащих к главной квартире императора – герцог Вюртембергский, генерал Беннигсен, Корсаков, Армфельд и др. По мнению Барклая, именно эти люди через некоторых императорских адъютантов в обеих армиях распространяли различные

измышления. К этому списку он с большим сожалением причисляет и начальника своего штаба генерал-лейтенанта А.П. Ермолова, которому дает весьма нелестную характеристику¹².

Барклай не мог оставить без последствий эти демарши своих недругов и, несмотря на их высокое положение, удалил из армии нескольких адъютантов императора. Среди них были представители влиятельнейших фамилий: князь Любомирский, граф Браницкий, Влодек и др.¹³ Кроме того, он обратился к императору с ходатайством о предоставлении права удалять из войск и более знатных лиц. Это, конечно же, не добавило ему друзей, которых и без того было мало. Однако без пресечения данных негативных явлений в армии, ведущей боевые действия, вряд ли можно было рассчитывать на успех.

При оценке Барклаем тех событий нельзя не заметить, мягко говоря, и некоторых противоречий с командующим 2-й армией князем Багратионом. По поводу быстрого прибытия 2-й армии к Смоленску он пишет: «Может быть содействовало также к сему скорому движению желание предупредить меня в занятии сего города, причиной сего обстоятельства могло быть одно из многих писем в коем заметил я, что по направлению принятому, Второй армии нельзя было надеяться на соединение и что следовательно Первой армии находится в необходимости противиться одной соединенным силам неприятельским»¹⁴. Далее он уже открыто признает: «Из предыдущей нашей переписки о медленности действий произошли уже некоторые неудовольствия. Я должен был льстить его самолюбию и уступать ему в разных случаях, против собственного своего удостоверения; дабы провести с большим успехом важнейшие мероприятия»¹⁵. Чтобы решиться на замечание генералу П.И. Багратиону, у которого ранее неоднократно был в подчинении, необходимо мужество, сопряженное с чувством высокой ответственности за судьбу Отечества.

Противоречия между двумя талантливыми военными и яркими личностями стали известны даже императору, который в этой связи писал Барклаю: «Я весьма обрадовался, услышав о добром согласии вашем с князем Багратионом. Вы сами чувствуете всю важность настоящего времени и что всякая личность должна быть устранена, когда дело идет о спасении Отечества»¹⁶. Этими словами монарх отдавал должное терпению, такту и всей деятельности своего полководца по руководству обеими армиями в условиях,

когда старшинство не было четко определено и взаимоотношения строились на принципах, несущих в себе остатки старого местничества.

Каждый из командующих имел право личного доклада императору и по своему усмотрению распоряжался войсками вверенной армии. Однако, оставаясь в должности военного министра, Барклай имел соответствующие права, но в интересах сохранения хороших отношений с командующим 2-й армией своей властью не пользовался. Он подчеркивает в этой связи: «Я имел особенное право в качестве военного министра объявить высочайшую волю Вашего Императорского Величества, но в делах столь важных, в делах, от коих зависит участь всей России, я не дерзал употреблять сего права без высочайшего соизволения»¹⁷.

Как человек широкого кругозора, занимавший должность военного министра и имеющий уникальный опыт, позволяющий видеть войну в стратегическом масштабе, Барклай очень емко оценивает значение первых сражений с французами и, в частности, смоленского. Подобная оценка не нашла своего отражения ни в трудах Г. Леера, ни в издании М. Богдановича. Он отмечает, что для взятия Смоленска Наполеон вынужден был максимально сконцентрировать все свои силы между Двиною и Днепром и оставить без подкрепления корпус маршала Удино, который был разбит войсками генерала П.Х. Витгенштейна. Это событие навсегда похоронило надежды французского императора на захват Лифляндии, Пскова и Новгорода. Была также изменена задача 5-му корпусу, который вместе с австрийцами должен был преследовать армию Багратиона и занять важную позицию между Припятью и Днепром. Корпус был передислоцирован в Могилев на смену корпусу Даву, который был присоединен к главной армии¹⁸.

Тем не менее, оставление Смоленска породило резкие выпады против Барклая как со стороны видных чиновников российского императорского двора, имеющих влияние на императора, так и со стороны военных. Некоторые предлагали даже предпринять решительное наступление и разгромить противника. Поэтому в своем донесении к Александру I Барклай отмечал: «Отдача Смоленска дала пищу к обвинению меня моим неприятелям. Слухи неблагоприятнейшие, сочинения, исполненные ненавистью против меня, распространялись и особенно людьми, находящимися в отдалении, не бывшими свидетелями сего события»¹⁹. Обремененный большими

обязанностями и находящийся постоянно в центре боевых действий, полководец вынужден был реагировать и на эти выпады.

Своим многочисленным оппонентам он приводит весьма убедительные доводы. Атаковать «предприимчивого» и численно превосходящего противника, имея в тылу только крутые берега Днепра, было весьма рискованной авантюрой. Командующий русской армией хорошо знал, что наши резервы находятся в отдалении и еще не готовы. Наполеон же мог в любое время усилить себя двумя резервными корпусами, находящимися на флангах. Поэтому он довольно резко дает отповедь своим оппонентам: «Все сии лица любящие ожидать и назначать, что надлежит исполнять, нашлись бы в крайне затруднительном положении и лишились бы даже присутствия духа, если бы увидели себя на месте Главнокомандующего и имели бы на собственной ответственности защищение не только города, но и всего государства. Легко предполагать распоряжение, не обнимая общего соображения и не взирая на будущее, особенно же при уверении, что мы сами не обязаны исполнять оных и отвечать за последствия»²⁰.

Это вовсе не говорит о том, что Барклай был принципиальным противником решающего сражения. Объективным доказательством этому служат его распоряжения и действия при Царевом Займище. По его приказу генерал М.А. Милорадович привел сюда сформированные резервы – 12 батальонов пехоты, 8 эскадронов кавалерии и несколько рот артиллерии. После их прибытия Барклай немедленно принимает решение о подготовке к решительному сражению. Он также отдает распоряжение тульскому, орловскому и черниговскому губернаторам о доставлении в Калугу продовольственных и фуражных припасов, заготовленных в этих губерниях. Инженерам обеих армий было немедленно предписано возвести несколько редутов на фронте расположения войск и на флангах²¹. Одновременно для подкрепления арьергарда, получившего приказание удерживать неприятеля по возможности на каждом дефиле, были отряжены 3-я дивизия и 2-й кавалерийский корпус. Возглавил арьергард бесстрашный генерал-лейтенант П.П. Коновницын. Этот план не был реализован не по вине Барклая, а в связи с тем, что 17 августа в армию прибыл новый главнокомандующий – М.И. Кутузов.

Прибывший в армию новый главнокомандующий осмотрел позицию, выбранную Барклаем для генерального сражения у Царева

Займища и первоначально полностью одобрил ее. Его сопровождали люди, часть из которых были ранее удалены Барклаем из армии. По его мнению, именно эти люди, а также генерал Беннигсен повлияли на решение Кутузова отменить уже идущую полным ходом подготовку к сражению. Здесь он не удерживается от несколько эмоционального заявления о том, что: «По разбитии неприятеля в позиции при Царевом Займище слава его подвига не ему припишется, но избравшим позицию, причина достаточная для себялюбца, каков был князь, чтоб снять армию с самой позиции»²².

Новый главнокомандующий существенно изменил управление войсками. Начальником штаба главнокомандующего был назначен генерал Л.Л. Беннигсен, дежурным генералом полковник Кайсаров с правом отдавать приказания от имени главнокомандующего. Часто подобным же образом действовали и генерал-квартирмейстер полковник Толь и зять главнокомандующего князь Кудашев. Стало частым явлением, когда войска получали их приказания, минуя командующего армией и даже корпусных командиров. При таком стиле руководства командующие армиями, как звено военного управления, сделались излишними. Барклай не скрывает своего резко негативного отношения к подобному стилю руководства²³.

Особо подробно останавливается Барклай на Бородинском сражении. Еще при первоначальном осмотре позиции он предложил Кутузову построить на центральной высоте сильный редут, но вместо этого там была поставлена артиллерийская батарея из 12 орудий. Последующие события показали, что высоту необходимо было укрепить, тогда бы противник не имел возможности столь быстро овладеть ею. Кроме того, Барклаем было предложено построить несколько редутов, находящихся на старой Смоленской дороге в тылу армии П.И. Багратиона. Для этого необходимо было использовать ополченцев, которых в армии было 15–16 тыс. человек и они были обеспечены инструментом, присланным губернатором Москвы Ф.В. Ростопчиным. Это предложение также не было принято Беннигсеном и Кутузовым, которые считали, что эта дорога легко может быть обороняема нестроевыми частями. Во время сражения, как известно, из-за отсутствия редутов сюда пришлось снарядить весь 3-й корпус и значительную часть кавалерии, но и все эти войска с трудом удерживались там²⁴.

Как известно, 3-й корпус входил в состав 1-й армии, но его передислоцирование было произведено без ведома Барклая, а по распоряжению прибывшего туда полковника К.Ф. Толя. Это вызвало негодование у командующего армией, о чем он немедленно уведомил главнокомандующего, который заверил, что произошла ошибка, которая больше не повторится. По мнению дисциплинированного и педантичного Барклая, подобные явления были недопустимы и при ведении боевых действий могли привести к гибели всей армии ²⁵.

Автор записок утверждает, что накануне Бородинского сражения М.И. Кутузову было предложено с наступлением темноты передвинуть войска так, чтобы правый фланг 1-й армии опирался на высоты Горки, а левый примыкал к деревне Семеновское с тем, чтобы вся 2-я армия заняла место, в котором находился 3-й корпус. Этот маневр не изменял общего боевого порядка русских войск, но позволял максимально сконцентрировать наши войска и сбросить резервы. Барклай утверждает, что Кутузов одобрял этот план, но он не был приведен в исполнение. К сожалению, причин этого полководец не называет ²⁶.

С началом знаменитой Бородинской битвы Барклай быстро понял, что основные события разворачиваются на левом фланге, который обороняла армия П.И. Багратиона. По его словам, по просьбе Багратиона ему был передан весь 2-й корпус, а по вторичной его просьбе гвардейские полки: Измайловский, Финляндский и Литовский. Затем Барклай лично убыл на левый фланг в расположение 2-й армии и увидел, что все ее резервы уже введены в дело и войска в расстройстве. Затем он поспешил возвратиться, чтобы привести резервный 4-й корпус и поставил его в тылу 26-й дивизии, которая одна еще удерживала свою позицию, что помогло стабилизировать ситуацию.

Не вдаваясь в подробности хода Бородинского сражения, достаточно хорошо освещенного в нашей военно-исторической литературе, отметим все же факт, который в последнее время активно дискутируется среди военных историков ²⁷. Речь идет о том, что поле сражения осталось за русской армией. Эту же истину подтверждает и генерал Барклай-де-Толли, который пишет: «Я предписал генералу Дохтурову подкрепить войска 2-й армии, собранные им на левом фланге 4-го корпуса... Я предписал сему генералу снова занять позицию занимаемую им накануне. Я предписал

приготовление к построению редута на высоте при деревне Борках. 2 тыс. человек ополчения на сие были употреблены. Я донес о всех сих мерах князю Кутузову, он объявил мне свою благодарность. Все одобрил, уведомил меня, что приедет в мой лагерь для ожидания рассвета и возобновления сражения». Барклай утверждает, что был объявлен письменный приказ главнокомандующего, одобрявший его действия²⁸.

Об оставлении поля боя за русскими пишет и Кутузов в своем рапорте об итогах Бородинского сражения императору Александру I: «Таким образом, войска наши, удержав почти все свои места, оставлены на оных»²⁹. Однако здесь Кутузов употребляет выражение «почти», и мы знаем, что центральная позиция была захвачена французами. Ясность в этот вопрос снова вносит Барклай. Как упоминалось выше, ночью он начал активно готовить свои войска к новому сражению, которое предполагалось начать утром. С этой целью войска начали готовить свои позиции. По этому поводу Барклай пишет: «Я предписал рекогносцировку, дабы узнать занимает ли еще неприятель высоту центра. На ней найдены только рассеянные команды, занимающиеся своим отступлением. Вследствие сего, поручил я генералу Милорадовичу занять сию высоту на рассвете несколькими батальонами и одной батареей, все утешились одержанною победою и с нетерпением ожидали следующего утра»³⁰. Таким образом, становится совершенно ясно, что французы оставили эту важнейшую высоту и русские войска действительно остались на своих позициях. Больше того, они с воодушевлением готовились к новому сражению.

Однако в полночь Барклай получил приказ отступить на Можайск, что стало неожиданностью для него. Первым его желанием было ехать к М.И. Кутузову и выяснить причины неожиданной перемены планов. Однако узнав, что войска Второй армии уже выступили, приступил к немедленному выполнению приказа. При этом он уточняет, что только после 9 часов утра 27 августа на Бородинском поле показались рассеянные войска неприятеля, вероятно для проведения рекогносцировки. Барклай заявляет в записках: «Причина, побудившая к сему отступлению, еще поныне от меня скрыта завесою тайны»³¹.

Дальнейшие события разворачивались уже без его участия. Барклай заболел и 22 сентября 1812 г. покинул армию.

- ¹ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 226. Оп. 1. Д. 334. Л. 1–2.
- ² Там же. Л. 2.
- ³ Там же.
- ⁴ Леер Г.А. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Ч. 1. Изд. 2-е. СПб.: Тип. Тренеке и Фюсно, 1893. С. 170.
- ⁵ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 226. Оп. 1. Д. 334. Л. 3.
- ⁶ Богданович М. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. 1. СПб.: Тип. Торг. Дома Струговщикова, 1859. С. 94.
- ⁷ 1812 г. К столетию Отечественной войны / Сборник статей. М.: Изд. АН СССР, 1962. С. 33.
- ⁸ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 226. Оп. 1. Д. 334. Л. 4–5.
- ⁹ Там же. Л. 5.
- ¹⁰ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 226. Оп. 1. Д. 70. Л. 3.
- ¹¹ Там же. Л. 5.
- ¹² Там же. Л. 6.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Л. 4.
- ¹⁵ Там же. Л. 5.
- ¹⁶ Богданович М. Указ. соч. С. 219.
- ¹⁷ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 226. Оп. 1. Д. 70. Л. 5.
- ¹⁸ Там же. Л. 4.
- ¹⁹ Там же. Л. 11.
- ²⁰ Там же. Л. 12.
- ²¹ Там же. Л. 14.
- ²² Там же. Л. 15.
- ²³ Там же. Л. 17.
- ²⁴ Там же. Л. 18.
- ²⁵ Там же. Л. 19.
- ²⁶ Там же. Л. 20.
- ²⁷ Красная Звезда. 2003. 11 января.
- ²⁸ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 226. Оп. 1. Д. 70. Л. 25.
- ²⁹ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. М.: Археологический центр, 1995. С. 187.
- ³⁰ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 226. Оп. 1. Д. 70. Л. 26.
- ³¹ Там же.